

Г. И. Берестнев

**ВРЕМЯ И ЯЗЫК «ИНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ»
В ПРОФЕТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ**

Дается характеристика языковых представлений о времени, анализируется их отражение в структуре языка. На основе анализа пророческих текстов описываются основные черты языка будущего как «иной действительности».

This article defines the linguistic representations of time and analyses their manifestation in the language structure. The basic features of the language of the future as a "different reality" are described on the basis of analysis of prophetic texts.

Ключевые слова: время, категории, когнитивная лингвистика, познание, семиотика.

Key words: time, category, cognitive linguistics, cognition, semiotics.

Время — одна из величайших познавательных загадок бытия. Многие мыслители пытались понять его суть и признавали тщетность этих попыток, хотя внутренне время любым человеком тем не менее осознается. «И еще признаюсь Тебе, Господи, — писал Блаженный Августин, — что я все еще не знаю, что такое время. Я знаю только то, что когда говорю о времени, то говорю во времени, и что давно говорю об этом времени, и что это самое “давно” есть только продолжение того же времени» [3, с. 338—339]. С загадкой времени связана и загадка бытия, поскольку оно разворачивается во времени, покоится в нем. «Ибо когда мы вдумываемся в само бытие и следуем его особенности, оно являет себя как хранимое протяжением времени вмещение уместности присутствия» [13, с. 404].

Внутреннее осознание человеком времени естественным образом отразилось в семантических структурах языка, поэтому языковой анализ позволяет воссоздать способы его познавательного освоения человеком. Так, в современном русском языке время мыслится по преимуществу как линейная протяженность (ср.: *долгая / короткая зима, Долгое время они были в ссоре*). Его характерной чертой видится движение (*время идет / проходит, бежит, мчится, проносится, летит* и т.п.). Это движение необратимо — время развивается в одну сторону (события будущего *близятся, наступают, приближаются, приходят*, но они не могут «отдаляться», «отступать» и т.д.). Человек находится в потоке времени, но он может отставать от локализованных в нем событий и вновь наверстывать их (ср.: *Мы входим в новое тысячелетие, достичь совершеннолетия, по достижении намеченного срока, наверстать упущенное*

и т. п.). Наконец, время для современного языкового сознания отчетливо субстанционально: его можно «иметь» или «не иметь» на что-либо, «терять» или «находить», «тратить», «отнимать» у кого-либо или «красть», его может быть «много» или «мало». Его, подобно деньгам, можно «экономить», «беречь» или «тратить» (см.: [2; 1]). В более широком индоевропейском контексте определяются три основные познавательные модели времени — время как мера, время как некая целостная часть пространства и содержимое этой части, время как движение. При этом способом существования времени в пространстве видится событие [8].

Таковы представления о времени «языковом». Однако на их основе можно обозначить и свойства времени физического (но такие, которые определяются с точки зрения нормального человеческого сознания¹).

В частности, у физического времени выявляются такие характеристики, как одномерность (линейность), динамичность, однонаправленность. Время также непрерывно, равномерно, необратимо. Его нельзя остановить, но к его ходу можно субъективно приспособиться. «Плоть» времени составляют события, которые эти характеристики, собственно, и обнаруживают. В связи с этим время в научной картине мира определяется как динамика, смена событий: «Время — основная (наряду с пространством) форма существования материи, заключающаяся в закономерной координации сменяющих друг друга явлений» [9, с. 434]. Подчеркивая важность последнего обстоятельства, М. Хайдеггер писал: «Таким образом, поскольку вместительность бытия покоится в протяжении времени, а это последнее вместе с бытием — в событии, то в событии дает о себе знать то особенное, что оно отнимает у безудержного раскрытия свою собственнейшую суть» [13, с. 405].

Линейностью времени, его однонаправленностью и событийностью существования обусловлена еще одна важная бытийная закономерность. Это необратимая причинность событий. Вследствие этой закономерности прошедшее обладает свойством семантической определенности, и его причинно-следственные основания в целом понятны. Будущее же, наоборот, характеризуется как принципиально неопределенное, и причинно-следственные отношения в нем теряют свою актуальность — человек способен повлиять на будущее лишь в самой ограниченной мере и в ближайшей перспективе. Это происходит вследствие свободы воли человека и многофакторной детерминированности событий будущего. События будущего в жизни отдельного человека и общества в целом неограниченно многообразны, и только время способно раскрыть их семантику.

С точки зрения конкретного человека складывается ситуация, когда прошлое ему известно, но оно для него не значимо, хотя и составляет содержание его жизни. В то же время будущее принципиально значимо, но не известно человеку и содержательно лишь в потенции. Чело-

¹ В измененных состояниях сознания представления о линейности времени уступают место представлениям об особой темпоральной холистичности, при которой события мыслятся человеком одновременно. «Линейный временной интервал, господствующий в повседневном опыте, не имеет здесь значения, и события из различных исторических контекстов появляются группами...» [6, с. 51].

век как бы движется к будущему с закрытыми глазами или, как говорят об этом исследователи, «спиной вперед».

Все эти законы времени и бытия внешне нарушают *профетизмы* — сложные высказывания (или невербальные знаки), в которых говорится о событиях, недоступных непосредственному восприятию говорящего (об этом см.: [11]). Эти события либо отдалены от говорящего пространственно, но принадлежат темпоральной перспективе настоящего или относительно недавнего прошлого, либо вообще принадлежат будущему.

На нарушение законов времени и бытия в профетизмах указывает уже мотивация слов *провидец*, *прозорливец* и *пророк* в русском языке, называющих того, кто осуществлял акты профетизма. Все эти слова объединяет общая приставка *про-* со значением 'вперед', 'сквозь' (ср.: *пробить*, *пройти*, *протянуть*, *просунуть*). С учетом этого первые два слова имеют исходное значение «тот, кто видит, зрит наперед». В этих случаях мысль о знании будущего категориально оформилась на основе представления о зрении, видении, которые, по существу, имеют внутренний, субъективный характер. Последнее же слово образовалось от глагола *рѣкти* и буквально означало «тот, кто говорит наперед». В этом случае мотивирующее основание мысли о профетическом акте иное. Это объявленное, высказанное знание, которое вследствие этой высказанности обрело характер объективного. В целом же можно заключить, что *пророчество* в системе языковых представлений носителей русского языка — это особый акт, предполагающий наличие у человека особого знания о том, что «будет впереди», и внешнее выражение этого знания.

Здесь, однако, обнаруживается одно важное обстоятельство, которое, собственно, и показывает парадоксальность и познавательную необычность/«противоестественность» пророчеств. События будущего, которые не развернулись в настоящем и не ушли в прошлое, но вместе с тем в то или иное время неизбежно станут достоянием сначала настоящего, а потом и прошлого, в обыденном сознании рассматриваются как «иная реальность». В этой реальности все уже существует заранее, и нужно только время, чтобы этот потенциальный мир развернулся, обрел характер актуального. Пророк же, благодаря прямому влиянию божества или силе, которой божество же его наделяет, обнаруживает способность осознавать эту «иную реальность». И о ней он стремится сказать другим людям, не обладающим такой же способностью.

Особый характер этой «иной реальности» будущего, ее таинственность и познавательная недоступность сталкиваются с потребностью пророка сказать о ней. Отмеченный конфликт проявляется в особом языке, которым пророк пользуется в профетических актах. С одной стороны, этот язык близок естественному языку, который люди используют в своем обычном общении. С другой стороны, он отличен от языка естественного, выходит за его рамки и хоть в какой-то мере представляет «иную реальность». Таким образом, проанализировав языковые особенности пророчеств, можно попытаться воссоздать язык этой «иной реальности» будущего.

И первой чертой такого языка является его принципиальная опора на о б р а з ы. Они имеют в пророчествах статус особого знакового средства, «возвышающегося» над «нормальными» понятийными формули-

ровками естественного языка. Именно они обычно раскрывают в высказываниях о будущем их главный смысл, поскольку только они это и могут сделать. «В самом деле, — писал Л. Витгенштейн, — существует невысказываемое. Оно *показывает* себя — это мистическое» [4, с. 72]. В этой связи отмечается и тяготение образов пророчеств к символам. Язык же оказывается в этих условиях, по сути, средством метаописания подобных символических структур. В силу этого и пророчества могут быть как невербальными, непосредственно-образными, так и вербальными — в них соответствующие образы описываются языковыми средствами. В паре следующих примеров первый является непосредственно образным, второй основывается на метаописании символических образов.

Пюхтицкая блаженная старица Елена однажды дала схимонахине Сергии ржавую вилку, держа ее оставшимися двумя зубцами вверх, и сказала: «Бери, бери, тебе пригодится!» Очень скоро ту сестру перевели со скотного двора и назначили регентом. Сергия тут же вспомнила, что вилка та напоминала по виду камертон, и поняла: старица Елена предсказала ей регентство [11, с. 22].

По воспоминаниям современников, в начале 1917 г. блаженная Любушка (Любовь Рязанская) металась по улицам города и повторяла: «Стены иерихонские падают, стены иерихонские падают». После революции все поняли, о чем предупреждала блаженная [7, с. 126].

Вторую достаточно очевидную особенность языка пророчеств составляют принципиально более широкие по сравнению с обычными языковыми семантические категории (см.: [10, с. 271]). Это его свойство обнаруживает себя в ряде аспектов — например, в особо широких с точки зрения референтной принадлежности эпитетах, в отсутствии дифференцированности межъязыковых параллелей, в снятии омонимии в сфере имен собственных и др. (см.: [11, с. 19]). Приведем в этой связи следующие примеры.

Согласно Геродоту, мидийский царь Крёз, готовясь к войне с персами, отправился в Дельфы, чтобы спросить совета у оракула. Пифия предрекла ему следующее: «Если ты пойдешь войной на персов, то сокрушишь великое царство». Крёз обрадовался этому пророчеству и начал войну, но потерпел в ней поражение. Впоследствии выяснилось, что на самом деле эпитетом «великое» Пифия наделила царство самого Крёза, а не его противника, персидского царя Кира [5]. Широкая референтная отнесенность этого эпитета и стала основанием для неверного истолкования пророчества.

Разоренные многочисленными войнами мессенцы отправили послов в Дельфы с вопросом о возможности их спасения. Пифия дала такой ответ: «Если трагос напьется воды извилистой Неды², // Больше мессенскую землю спасти от бед не могу я: // Близкая гибель грозит ей и день истребления» [12]. Мессенцы верно отметили в этом пророчестве ключевой характер слова ὁ τράγος, которое у эллинов имело значение 'козел', и стали бдительно следить, как бы козлы не напились из Неды. Однако у самих мессенцев этим словом называлась дикая смоковница, которая во время описываемых событий росла на берегу Неды

² Река в Мессенской области. — Примеч. авт.

и ветвями своими уже почти касалась ее воды. Как повествует Павсаний, некий житель Мессении по имени Феокл, обратив на это внимание, понял истинный смысл пророчества, которое и сбылось: мессенцы были окончательно разбиты в войнах. В данном примере происходит снятие различий в значениях слова *трагос* в близких диалектах. С точки зрения обычного носителя языка, происходит некая игра, которая дополнительно поддерживается метафорой «напиться».

И третью ярко выраженную особенность языка пророчеств составляет неразличение имен собственных и имен нарицательных. В тексте пророчества граница между подобными классами слов сдвигается (обычно в направлении от имени собственного к нарицательному), и пророчество внешне опять-таки обретает более широкое значение.

Например, спартанцу Фаланфу, воевавшему с Италией, было дано предсказание, что он победит, когда почувствует на себе дождь, идущий с чистого неба. Не придав этому пророчеству должного внимания, он отправился в поход, но ни одной победы ему достичь не удалось. Тогда он вспомнил о пророчестве и понял, что обречен на поражение — ведь дождя с ясного неба не бывает. Жена Эфра стала его успокаивать, положив его голову к себе на колени, и сама заплакала. Когда ее слезы упали на голову Фаланфа, он понял истинный смысл пророчества, вспомнив, что имя *Эфра* (греч. ὁ αἴθρη) имеет буквальное значение «чистое небо». В ближайшую ночь он действительно взял у варваров самый большой и богатый город [10, с. 263].

Итак, чертами языка «иной действительности» будущего в пророчествах являются опора на образ, ведущая к непосредственности восприятия содержания, особая категориальная масштабность, возвышающая этот язык над структурными категориями естественных языков, знаковая ориентация на общее, игнорирующая единичное. Но как этот язык складывается? кто является его носителем? как пророк им овладевает? На эти и другие вопросы, касающиеся этой темы, еще предстоит найти ответы.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 10-04-00452а «Когнитивная структура пророческих текстов в сопоставительном аспекте (античная и русская традиции)».

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 51–61.
2. Берестнев Г.И. Языковые подходы к проблеме архетипов коллективного бессознательного // Языкознание: взгляд в будущее. Калининград, 2002. С. 164–183.
3. Бл. Августин. Исповедь. М., 1992.
4. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994.
5. Геродот. История. Л., 1972.
6. Гроф Ст. За пределами мозга. М., 1993.
7. Православные подвижники XX столетия / сост. С. Девятова. М., 2009.
8. Красухин К.Г. Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 62–77.

9. Куликов К.А., Подобед В.В. Время // Большая советская энциклопедия: в 30 т. М., 1971. Т. 5. С. 434–435.

10. Мальцева Я.А. Когнитивные основания референтных сдвигов в античных оракулах // Вестник Московского лингвистического университета. Вып. 571. Когнитивная лингвистика: традиции и инновации в работах молодых ученых. Ч. 2. М., 2009. С. 262–273.

11. Мальцева Я.А. Язык и когнитивная структура профетических текстов: античная и русская традиции: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Калининград, 2011.

12. Павсаний. Описание Эллады. URL: <http://hronologia.narod.ru/messenia.html> (дата обращения: 27.05.2011).

13. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993.

Об авторе

Геннадий Иванович Берестнев — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: slavphil@newmail.ru

About author

Prof. Gennady I. Berestnev, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: slavphil@newmail.ru